

*Посвящается
двум ярчайшим звездочкам
на небосводе,
малышу Бакену и Дженсену Бакену*

Глава 1

Что ж, я налажала. Причем по-крупному. Теперь изо всех сил стараюсь не расклеиться под грузом горьких сожалений и страдая от пульсирующей головной боли. Впрочем, после вчерашнего мои мучения вполне заслужены.

В кухне повисла напряженная тишина, которую нарушает лишь едва слышное гудение кондиционера. Мой взгляд приклеен к пятну на белоснежном мраморе стола.

— Ну и как нам теперь выкручиваться? — наконец сердито вопрошает Рубен, кипя от негодования. Он даже не пытается скрыть, насколько его достали подобные экстренные собрания, где все пытаются придумать, как замять неприятные последствия от моей очередной выходки.

— Выкручиваться — твоя обязанность, — парирует мама, не отрываясь от телефона; ее пальцы с идеальным маникюром скользят по экрану. — Вот сам и думай.

— Марни, не всякую шумиху так легко замять, — возражает Рубен. — Твоя дочь становится верным поставщиком скандалов для таблоидов, а они уж своего не упустят.

Подавив волну тошноты, приподнимаю голову и мельком оглядываю помещение. Рубен стоит ко мне спиной, уткнувшись в «Макбук» на кухонном острове. Мама разрывается между двумя мобильниками — рабочим и личным. Несмотря на несусветную рань, она умудрилась уложить волосы и накраситься, одновременно пытаясь потушить пожар от последнего скандала. Также в кухне присутствуют двое из продюсерской компании — какие-то там младшие продюсеры, наверное, я даже их имен не знаю. Знаю одно — они в ярости.

— Нельзя просто сказать, что у нее голова закружилась? — предлагает один из них.

— Ага, отличная мысль, наверняка все купятся, — язвительно тянет Рубен, затем поворачивается ко мне — лицо суровое, челюсти плотно сжаты, на щеках играют желваки.

Я знаю его уже лет десять, но все еще порой боюсь до чертиков. Он кладет ноутбук прямо передо мной.

— Гляди! — Я стыдливо отворачиваюсь, он настаивает: — Мила, посмотри на экран!

Лицо у меня вспыхивает, и я неохотно поднимаю глаза. На рабочем столе открыто сразу несколько окон, которые занимают все свободное пространство; от такой словесной каши тиски, сдавливающие грудь, сжимаются еще плотнее.

«ДОЧЬ ЭВЕРЕТТА ХАРДИНГА ВЫШЛА ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ?»

«МИЛА ХАРДИНГ УСТРАИВАЕТ СЦЕНУ НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ФИЛЬМА “ВСПЫШКА: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА”»

«ЭВЕРЕТТ ХАРДИНГ НЕ СПРАВЛЯЕТСЯ СО СВОИМИ РОДИТЕЛЬСКИМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ?»

— Простите, — шепчу я. В горле пересохло, поэтому слово выходит слабым и неуверенным.

— Извинения не заткнут этих писак! — отрезает Рубен. Его злость обращается к продюсерам: — И вообще, кто из ваших бесполезных помощников додумался на таком важном мероприятии дать шестнадцатилетней девчонке шампанское?.. Тот, кому не место на его должности, вот кто.

— Никто мне ничего не давал. — Я и так паршиво себя чувствую, не хочу еще кого-то тянуть за собой на дно. Кроме того, мне действительно никто ничего не давал. Решения и поступки мои собственные, а значит, я одна и должна за них отвечать. — Бокалы с шампанским стояли на столе, и я просто взяла один, когда никто не видел.

Рубен бросает на меня презрительный взгляд.

— Мила, в твоём возрасте уже полагается понимать, что таблоиды способны раздуть слона из любой мухи. Стоит лишь немного оступить, и в их глазах ты превращаешься в пачку долларов. Они даже ребенка не пощадят, тем более дочь самого Эверетта Хардинга.

По кухне разносится звон телефона. Один из продюсеров берет трубку и выходит, резким голосом раздавая приказания звонящему.

— Мне ужасно жаль, — вновь извиняюсь я — который раз за прошедшие двенадцать часов, и все же, кажется, этого по-прежнему недостаточно. Ну

а что еще мне остается? Прикусываю нижнюю губу и роняю взгляд на стол, едва сдерживая слезы.

— Знаю, солнышко, — ласково говорит мама. Убрыв телефоны, она придвигается ближе и обнимает меня за плечи; от нее исходит аромат полевых цветов. — По большому счету не произошло ничего из ряда вон выходящего: подростки постоянно экспериментируют, что вполне нормально, поэтому я на тебя не злюсь, просто... — Она кладет подбородок на мое плечо и вздыхает, поток воздуха щекочет мне шею. Ее голос становится тише. — Остальные могут время от времени влипать в неприятности. Но не ты. Наша семья постоянно на виду. Особенно сейчас, когда за нами следят чуть ли не через лупу.

В ее теплых, ароматных объятиях я наконец не выдерживаю и даю волю слезам.

Мои предыдущие оплошности меркнут в сравнении со вчерашней. Не так давно Рубен едва меня не придушил, когда я показала средний палец папарацци с пассажирского сиденья нашего «Рейндж-Ровера», позабыв о том, что окна у нас не тонированные. А в прошлом месяце, когда я поцапалась в «Твиттере» с какой-то начинающей моделькой, Рубен наложил полный запрет на соцсети на целых две недели. Теперь эти выходки выглядят безобидными шалостями; вчерашний инцидент вышел на совершенно новый уровень.

Представьте себе помпезную пресс-конференцию перед выходом одного из самых шумевших блокбастеров лета, долгожданной третьей части франшизы с мировой известностью под названи-

ем «Вспышка». Действо в самом разгаре, фешенебельный кинотеатр в Беверли-Хиллз под завязку набит журналистами. В зале присутствует основной актерский состав, однако все внимание приковано к главной звезде Эверетту Хардингу и его сногшибательной коллеге Лорел Пейтон. Актеры сидят на сцене, весело отвечают на вопросы и с энтузиазмом рассказывают о новом фильме. В это время за кулисами празднует продюсерская компания. Шампанское льется рекой. Элегантная жена Хардинга грациозно расхаживает по залу, вступая в оживленные беседы то с одним начальником, то с другим и активно щелкая селфи для соцсетей.

И вот она я, их единственная дочь, совершаю глупую, невероятно детскую ошибку — втихушку угощаюсь шампанским на светской вечеринке, к которой приковано пристальное внимание прессы. Уж мне-то следовало понимать, что время и место совсем не располагают к экспериментам, но я с чего-то решила, будто за кулисами никто не заметит.

Как же я ошиблась.

Мероприятие заканчивается оглушительными аплодисментами. Папа уходит за сцену, мама его радостно обнимает. Рубен вызывает водителя, поскольку папа совершенно изнурен и хочет поскорее вернуться домой, затем вылавливает из толпы меня и ведет вслед за родителями к черному выходу. На улице на нас обрушивается целый шквал вспышек от фотокамер — когда-то я восхищенно сравнивала их с мерцанием звезд, теперь же они лишь ослепляют.

Именно тут и приключается катастрофа. Свежий воздух моментально ударяет мне в голову. Запнувшись на ровном месте, я лечу вперед, машинально пытаюсь уцепиться за маму, но не успеваю и валюсь на барьер, ограждающий нас от папарацци. Заслышав шумиху, папа оборачивается, однако Рубен запикивает его в ожидающий нас минивэн. Вслед за ним во тьме салона исчезает и мама. К тому моменту, как Рубен возвращается за мной, я стою на коленях на холодном бетоне, пытаюсь унять головокружение. К горлу подступает волна тошноты — слишком сильная, чтобы подавить. И вот я уже опорожняю желудок прямо на землю, стараясь припомнить, сколько именно бокалов шампанского я в себя опрокинула.

Вспышки камер становятся ярче и чаще. Будто сквозь плотный слой ваты слышатся щелчки затворов, папарацци пытаются перекричать друг друга: одни зовут меня по имени в надежде, что я на них взгляну и им удастся заполучить идеальную фотографию случившегося; другие задают мерзкие вопросы, стараясь вызвать еще более скандальную реакцию.

Рубен хватается за локти и резко дергает вверх, ставя на ноги, затем едва ли не на руках тащит к минивэну, расталкивая папарацци, и запикивает меня в салон. Громко захлопывается дверца, и шум резко приглушается, однако настырные журналюги принимаются колотить по окнам.

— Мила! — вскрикивает мама, соскальзывая с противоположного сиденья и плюхаясь передо

мною на колени. У меня голова клонится набок, и она берет ее в ладони. На ее лице, с по-прежнему идеальным макияжем, написано удивление и испуг. — Ты как? Что...

— Какого черта?! — резко обрывает ее папа громогласным голосом; он возмущен. — Ты пила?!

Вот так все и произошло. Так я села в лужу, причем с оглушительным всплеском.

И теперь, утром следующего дня, масштаб беды кажется еще значительнее. Таблоиды смешивают нашу фамилию с грязью. Мои мерзкие фотографии разлетелись по всему интернету. Я выставила папу на посмешище.

— А ведь это далеко не первый ее проступок! — рычит Рубен с противоположного конца кухни.

Его недовольство вполне понятно. Он — папин менеджер, ему платят за управление нашей жизнью. А я усложняю его работу тем, что постоянно, хоть и не нарочно, ворошу осиное гнездо желтой прессы.

— До выхода фильма всего месяц. И нам несколько не помогают гуляющие по таблоидам фотографии пьяной Милы Хардинг, стоящей на коленях и опорожняющей желудок на пресс-конференции.

— Да и после выхода фильма ни к чему нам черный пиар, — добавляет оставшийся продюсер. Она скрещивает руки на груди и окидывает меня злым взглядом. Ее несколько не заботит благосостояние нашей семьи — компания печется лишь о том, чтобы выжать из предстоящего фильма как можно больше денег.

— Плюс школьный год закончился, а значит, ты, юная леди, теперь будешь чаще появляться на людях, — говорит Рубен, потирая щетину на подбородке, словно о чем-то усиленно размышляя.

Вытерев слезы и покинув мамины ласковые объятия, я выпрямляюсь и заглядываю Рубену прямо в глаза.

— Как мне все исправить?

Тот передергивает плечами.

— В идеале? Исчезнуть на несколько недель, чтобы никому не пришлось переживать о твоей зарождающейся теплой дружбе с желтой прессой.

— Рубен! — сердито шипит мама, сжимая мое плечо, словно в попытке защитить меня от жестких слов. Она прожигает папиного менеджера откровенно враждебным взглядом.

— А что? У тебя есть идея получше, Марни? — сухо отвечает тот.

Скрипит деревянный пол. Я оборачиваюсь и сквозь опухшие веки различаю отца, который стоит, опершись о дверной косяк и спрятав руки в карманы джинсов. На нем его любимые солнцезащитные очки — должно быть, после вчерашнего изнурительного дня у него болят глаза. Мы все молчим и про себя задаемся вопросом, как давно он тут стоит. Мама берет меня за руку и крепко сжимает.

— Мила, — начинает папа, прочистив горло. Низкий, хриплый голос — одна из причин, по которой его так обожают дамы по всему миру, — а по утрам это качество проступает еще отчетливее. Он касается края очков и слегка приподнимает, взгляд

его темных глаз, красных и опухших от недосыпа, встречается с моим. — Думаю, будет лучше, если ты уедешь домой и какое-то время там поживешь.

У меня душа уходит в пятки.

— Домой? — повторяет мама. — Наш дом здесь, Эверетт. Мила дома. С нами. Давай все хорошенько обсудим, прежде чем...

— Рубен, организуй поездку, — твердо говорит папа, полностью игнорируя мамины возражения, будто она и рта не раскрывала. Его взгляд продолжает сверлить меня, и я успеваю заметить в нем искру сожаления, прежде чем папа вновь опускает очки и спокойно добавляет: — Мила, собирай вещи. Ты проведешь лето в Теннесси.